

РУССКИЕ ПРАВИТЕЛИ В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

УДК 398 (=945.32)
ББК 82 (2 Рос.Ком)

А. В. ПАНЮКОВ
(*Сыктывкар*)

«НАЗАД В БУДУЩЕЕ»: УБИЙСТВО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВЫМСКОГО

Аннотация. Статья посвящена частному аспекту темы «история как текст — текст как история». Анализируя сюжет об убийстве князя Василия Вымского (1480 г.), автор показывает, как в результате сложного, нелинейного взаимодействия устных и письменных нарративов возникает квази-историческая реальность.

Ключевые слова: коми-зыряне, традиционная культура, фольклор, исторические предания, топонимия, народная этимология.

Возможно, в метатексте многовековой истории Российского государства пятидесятилетнее наместничество вымских князей (1451—1502 гг.)¹ могло бы

¹ В 1451 г. после подавления «Шемякиной замятни» великий московский князь Василий Темный, укрепляя свою власть, назначает московских наместников в города, отобранные у противника. «Правити пермской землей Вычегощкою» в качестве московского наместника был отправлен князь Ермолай; о его дальнейшей судьбе нам ничего неизвестно. Его старший сын Михаил возглавляет династию Пермских князей, а младший Василий (около 1435—1480 гг.) после смерти отца становится вторым вымским князем. О князе Василии Ермолаевиче мы знаем, что он в 1465 г. возглавлял отряды вымичей и вычегжан в походе устюжского войска под предводительством воеводы Василия Скрыбы в земли Югры, а в 1480 г. погиб от рук вымичан (сюжету о его гибели и посвящена наша статья). Князю Василию

вообще затеряться, если бы не ключевая роль именно этого хронотопа в определении будущей, евразийской судьбы России. Отсюда, с Перми Вычегодской, в эти годы было совершено шесть крупных походов великокняжеских войск, связанных с покорением зауральской Югры и окончательным присоединением пермских земель — а вслед за ними и Новгорода — к Москве. Князья Вымские управляли краем, ходили вместе с московской ратью «воевать Югорскую землю», участвовали в походе на Казань. И, видимо, не случайно на всем пространстве России остался единственный населенный пункт с символическим названием Княжпогост, а на гербе Княжпогостского района изображена шапка Мономаха — символ древнего центра страны, которого удостоены только бывшие столицы великих княжеств.

Тем не менее, на уровне местной истории именно Княжпогост не оставил ни одного исторического свидетельства: неведомо, кто его основал, неведомо, жил ли там кто-либо из вымских князей. Этот парадокс абсолютно прозрачной этимологии и абсолютно темной истории на протяжении пяти веков выполнял и продолжает выполнять аттрактивную роль в формировании локальной истории. Однако из всего спектра имеющихся на сегодняшний день фольклорных, литературных и околонучных ретроспекций на тему вымского княжества только один сюжет обладает всеми признаками историчности: сыновья Федор и Петр. Петр Вымский погибает в 1499 г. при штурме Пельма во время очередного зауральского военного похода. В 1502 г. князь Федор Васильевич был сведен с Выми и отправлен наместником в Пустозерский острог, где через несколько лет умирает, и род вымских князей пресекается.

рической достоверности — это сюжет об убийстве князя Василия Вымского. Помимо того, что в фольклорной традиции бытуют предания об этом событии с четкой фиксацией места убийства (место могут показать и сейчас), факт убийства князя в 1480 г. зафиксирован в письменном источнике XVI века — Вычегодско-вымской летописи [ВВЛ]. Таким образом, у нас есть уникальная возможность сопоставить фольклорную и историческую версии этого события местной истории и попытаться понять, как оно пережило пять столетий. Начнем с последнего источника.

ВВЛ начал вести в конце XVI столетия (т. е. спустя сто лет с момента рассматриваемого нами события) основатель Усть-Вымской Архангельской пустыни Мисаил; после его смерти летописные записи были продолжены устьвымским благовещенским попом Евтихием. Изложение событий доведено летописцами до 1619 г. — в этом году вологодский архиепископ Макарий запретил вести летописи «малым попам», то есть священнослужителям низких рангов. Какое-то время летопись хранилась в Усть-Выми, а потом в Окваде. В 1813 г. ее по распоряжению вологодского епископа Евгения отослали в Вологду, где рукопись бесследно исчезла. Однако перед этим вологодский семинарист А. Шергин снял с летописи копию, которая в течение многих лет находилась сначала во Введенской церкви в Окваде, затем в частных руках, а с 1915 г. — в Усть-Вымской Благовещенской церкви. В 1927 г. эту копию обнаружил в Усть-Выми начинающий писатель и краевед П. Г. Доронин и сделал с нее список. Впоследствии шергинская копия также где-то затерялась, а Доронин спустя 30 лет подготовил текст летописи по своему списку к печати, и в 1958 г. она была опубликована. Летопись написана на русском языке, охватывает период с 1178 по 1619 гг., и, по всей видимости, была известна достаточно узкому кругу лиц.

Согласно ВВЛ князь Василий Ермолаевич Вымский решил построить на Выми возле Турьи новый укрепленный городок, но был убит взбунтовав-

шимися местными жителями. В погодной записи за 1480 г. сообщается: «*Лета 6988 почал князь Василей Вымской город на Выме на Турею строити, а вымичем не любо тое городок строити: пошто нам этот городок и на кого, и посекли вымичи Василья князя на смерть*» [ВВЛ, 262].

При целом ряде спорных моментов, выявленных исследователями в тексте ВВЛ², описанное событие подтверждается несколькими косвенными свидетельствами. Достоверно известно, что в 1481 г. князя Василия уже не было в живых, хотя нигде больше не упоминается об убийстве. Так, в первое описание Перми Вычегодской 1481 г. Ивана Гаврилова попали сысольские угодья, отданные пыелдинскому монастырю сыновьями князя Василия на поимовление родителя; о них говорится в «Жалованной грамоте» великого князя Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской 1484/85г. [Документы по истории края 1958, 246]. Достоверность этой записи придает и точное описание произошедшего убийства. По мнению Б. Н. Флори — первого исследователя ВВЛ — летописец пользовался источниками XV в., в частности, не дошедшей до нас Пермской владычной летописью, которая велась в Усть-Выми при епископе Филофее (1471—1501 гг.) [Флоря 1967, 231]. Таким образом, погодная запись за 1480 г. могла быть зафиксирована во владычной летописи в хроникальном порядке, а уже оттуда переписана в ВВЛ.

Эти аргументы придают историческую правдивость и дошедшим до нас фольклорным произведениям. В отличие от краткого сообщения ВВЛ, устные предания о князе Василии достаточно детально описывают это событие, и в целом летописное описание гибели князя входит в сюжет народных преданий о нем.

Согласно основному сюжету предания, весьма точно подтверждающему запись летописи, князь Василий был убит в местечке, которое и теперь на-

² Анализ ряда уникальных сведений летописи, начиная с титула «от роду Верейских», см.: [Флоря 1967, Вершинин 1997, Мухин 1999, Вершинин 2000, Корчагин 2011].

зывается «местом убийства Василия»: «Тая Турьяас вёлма коркё историяыс, вот. Мыйке, тае вёлма московской пограничной отряд тая, пограничный округ. И тани вёлма турецьяс ли мый ли, вот сием Турьяасо нимсё пуктыломась. А сја бёрти татчö кольомась, Видзод, тан вёлм олöны, Княжпогостас — погостö шуöны, сэни князьыс вёлм олö, а татчö вёлм кутишöмкö Вась — царь ли, тоже князь ли, татчö стрöитчыны Васьыс кöсйöма, вот. Сэни Кар яг вийим, шуöны «Кар Яг». И Кар ягас сја заводитломä стрöитчыны, вот. А йöзыс, сылön, важсön öд вёлм, видзöдлы, прöмысляйтöны, сыыс и нажевитчöны вёлм, а тати прöмыса вёлма. И мед сја купеческöй, сја князьыд овмöдчис, прöмыссö некодлы йöзыслы кыйнысö некыдзик вöли. Ная эскö гöля куччисны олны, сја весьтö куччис экплатируйтны, и вот сја Васьсö вийöмась сэтчö шор дорас кычикö, и вот сие «Васьсö вийöм» и шуöны, а ягсö «Кар ягön» вексö шуасны. Кытчö кöсйылломä стрöитчыны. А зэв мича ягыс сэни: тшак петö, гоб весиг петö. Ми сэтчö частö волывлам, вуджавывлам, Кар ягö вуджавывлам гобла. А сие шор дорыс мыйкеыс да устье Пожегьыскöд против Васьсö вийöмны» (Эта история в Турье была когда-то. Турья была московским пограничным постом, пограничным округом. И были здесь турецы, что ли, поэтому и название Турья дали. И потом они здесь и остались, здесь жили. А в Княжпогосте — погост так называют, там жил князь, а сюда пришел какой-то Василий — то ли царь, то ли князь, здесь он хотел построить город. Там есть местечко Кар яг (букв. ‘бор, в котором стоял город’). И в Кар яге он начал строится. А прежде ведь, сам посуды, промышляли охотой, на этом и жили. А места здесь богатые для промысла были. И вот если бы этот купеческий, этот князь поселился, то народу и промышлять было бы невозможно. Стали бы они бедно жить, он бы стал их эксплуатировать. И вот этого Василия убили где-то у этого ручья. И ручей стал называться Васьсö вийöм ‘убийство Василия’, а бор Кар ягом всегда называют. Это место, где он хотел город — кар построить. Бор там красивый, там грибы всегда растут, даже белый гриб.

Мы туда часто ездим, на другой берег, за грибами. А это место у ручья напротив устья Пожега, где Василия убили) (Зап. от М. А. Жилиной, 1931 г. р., с. Турья, Княжпогостский р-н, Республика Коми. Соб. Ю. Г. Рочев. 1981 г.) [ИЯЛИ. А0696—8]³.

При всей схожести описываемого события сюжет предания имеет четко выраженный «оттопонимический» характер: есть точное место строительства городка — Кар яг, есть точное место убийства — ручей Васьсö вийöм недалеко от городищенского бора. Кроме того, народные предания передают множество деталей и подробностей об этом событии, которых нет в ВВЛ: «Оломась татöни Турьяас Василий Вымский. Оломä тысячи шöссот сорок втором году. Вёлм татöн, Лав местан керкаыс, Василий Вымскейылön, Турьяан, Лав местаын. А этия Кошлön керкаысыс весьыс вёлм яг. Весьыс тати яг вёлма, Туьяыс, весьыс яг. И Кош Вань керка местаад вёлма кузнеча сэтэни, Василий Вымскейылön. И Василей Вымскейыс мунас налог öктöны, сборьяс, этия, кудз шуасны, крестьяналыс. И Веслянаö каас, Василей Вымскейыд. Веслянаыс непосильной налог öктö сја. И бёрти крестьянаыс сэн бунтуйчасны, Василей Вымскейылды. Крестьяная бунтуйчасны и вöтöдасны сьелы, Василей Вымскейтö. Вöтöдасны, и татче Жигановкаад чуть оз во, Васьсö вийöм. Пожеге вогад, Жигановка оз во сэтче, но, Пожег вом дорö, сэтöн нель кымын километра оз во, Васьсö вийöмц сиес вöтöдасны, весьянскей крестьяна, и сэтэн сиелы вияснi, кераласнi из вылын, киласэ кераласнi. Из вылын. И сја век, немсэ, и öни век Васьсö вийöм и Васьсö вийöм. Сја местаис и сја весь участокыс Васьсö вийöм» (Жил тут в Турье Василий Вымский. Жил он в 1642 году. Был у него здесь дом, на месте избы Лава. А место, где дом у Коша, всё это было лесом. Кругом был бор. И на месте дома Кош Ваня была кузница у Василия Вымского. И пойдет Василий Вымский налог собирать, сборы, как сказать правильно,

³ Отредактированный текст на коми языке опубликован: [Коми легенды и предания 1984, 35—36, № 23].

у крестьян. И в Весляны поднимется Василий Вымский. В Веслянах он непосильный налог брал. И крестьяне, в конце концов, взбунтуются и догонят его. Догонят, и здесь, до Жигановки не доходя, там километра четыре не дойдет, есть местечко *Васьёс вийём*, перед Пожегом. У устья Пожега. Там его догонят веслянские крестьяне и там его и убьют, на камне порубят, отрубят ему «мужское» — «киласэ кераласні из вылын». И это место от веку и сейчас еще называют *Васьёс вийём* — «убийство Василия». И это место, и участок вокруг называют «*Васьёс вийём*») (Зап. в с. Турья, Княжпогостский р-н, Республика Коми. Соб. Ю. Г. Рочев. 1981 г.) [ИЯЛИ. А0697—10].

Даже при беглом сравнении летописного текста и устных преданий их органическая взаимосвязь кажется очевидной. Устные предания развивают и детализируют тот же сюжет, в основе которого лежит реальное историческое событие прошлого. В этой исторической действительности сама взаимосвязь устной и письменной традиций предстает как абсолютно очевидная историческая реальность (назовем ее *Реальность I*), соотносимая с хронологией: в 1480 г. происходит убийство князя, спустя сто лет это событие фиксируется в ВВЛ; параллельно устная традиция не только сохраняет память об этом событии, но и фиксирует его топологию в местной топонимике (точное место убийства, место строительства городка), благодаря чему в мельчайших деталях сохраняет и транслирует на протяжении пяти веков предания о князе Василии. После публикации текста ВВЛ в 1958 г. эти две версии — фольклорная и летописная — взаимно подтверждаются и далее уже сосуществуют как единый исторический нарратив.

Однако есть одно объективное противоречие, не позволяющее принять *Реальность I* за достоверную и единственно возможную. Дело в том, что четко зафиксированный на местности «город» устных преданий никак не может быть «городом на Турею» из летописи, поскольку он не имеет никакого отношения к вымским кня-

зьям. Этот археологический памятник, получивший название «Пожегское городище», сегодня имеет довольно точную датировку [Савельева, Кленов 1992]. Городище расположено в местечке Карьяг, напротив устья р. Пожег, правого притока Выми, на 4 км. выше с. Турья (и на два километра ниже ручья *Васьёс вийём шор*). Археологические исследования позволяют уверенно говорить о том, что это был укрепленный древнерусский (новгородский) стан дружинников XII—XIV вв., переросший в торгово-ремесленный и военно-административный центр края. Городище перестает функционировать в конце XIV в., вероятнее всего, погибает в одной из вооруженных стычек с московскими войсками, и его уже не существовало к моменту прихода на Вымь Стефана Пермского, т. е. к 1380 г. (за сто лет до смерти Василия Вымского).

Мотив «строительства города» по исторической логике должен быть связан с Княжим погостом, который находится ниже с. Турья на 50 км и расположен примерно на середине пути между селами Усть-Вымь и Турья. «Княжеский погост» впервые упоминается в жалованной грамоте великого князя Московского Ивана III епископу пермскому Филофею (1490 г.), т. е. этот населенный пункт возникает при жизни князя Василия. Но ни ВВЛ, ни какой-либо другой исторический документ не сообщает о князе-основателе погоста, да и едва ли летописец мог назвать Княжий погост «городом на Турею».

Существует явное противоречие между летописным фактом и устными сюжетами, и сам собой возникает вопрос: а где же тогда был город, который хотел построить Василий Вымский в 1480 г., да и был ли он в исторической действительности?

Чтобы прояснить общую картину, возвращаемся «назад в будущее», к фольклорной традиции двадцатого века, и обнаруживаем один удивительный факт.

В 1946 г. в той же Турье, где бывали приведенные выше предания, был записан вариант сюжета,

в котором вместо князя фигурирует местный герой-богатырь Василий — *Ён Вась* (букв. Сильный Василий). Согласно этому сюжету, именно богатырь Василий решает построить город в местечке *Кар яг*, но погибает от рук коварных веслянцев: «*Он жил в Кони, этот богатырь Василий. Жил он один, очень сильный человек. У него был серый конь, большой, громадный. И был он богатым. От Турья выше по реке есть маленькая речка под названием Пожега. На другой стороне устья Пожега, выше по течению, место называется Кар Яг. Там, оказывается, он, богатырь Василий, хотел один построить город. А место на бору, очень красивое и ровное. Вот однажды он дал в долг денег веслянским мужикам. Веслянцы обещали за это город построить. Но веслянцы не пришли на работу. Трижды он просил вернуть долги, но веслянцы не вернули. Пошел он в страдную пору к должникам. Взрослых в это время никого не было, все были на сенокосе. Он пришел в Весляну. И за то, что долги ему не вернули, он все их дома разрушил. Пришли веслянцы со страды, а дома разрушены, все развалены. Собрались веслянцы, посоветались и решили убить Василия. Излучиной убийства — “Виём кётшас” — называют место, где они это сделали — там от излучины была дорога, ведущая в гору. Туда к дороге пришли веслянцы, все с копыями. Богатырь Василий стал подниматься по этой горе, по этой дороге. А место было лесистое, мелкий ельник. Набросились веслянцы со своими копыями и закололи его, свалив с коня. Человек двенадцать напали. Сбросили с коня и убили там Василия. Большой камень там еще есть у дороги, на нем и разрубили его всего на куски. Потом соседи спохватились: “Ох, ты, наш Василий уехал и не приехал. Жив он или нет?” Только это сказали, конь его и прискакал сам. Вымь переплыл. Соседи и пошли, человека четыре. А дорогу знают, где он ездит. Пошли, забрались на гору и нашли — разрублен весь. Вот они потом труп его зарыли, похоронили. А его хозяйство всё осталось» (Зап. от В. А. Кучменева, 1878 г. р.,*

с. Турья, Княжпогостский р-н, Республика Коми. Соб. Г. А. Федоров. 1946 г.) [ИЯЛИ]⁴.

Очевидно, что перед нами два варианта одного и того же предания с многими совпадающими деталями и с общей топонимической привязкой. Но куда пропал образ князя?

Прежде всего, вспомним, что приведенные выше устные предания об убийстве князя Василия зафиксированы в 1981 г., т. е. уже после публикации текста ВВЛ (1958 г.). Совсем не случайно в последнем тексте предания о князе просвечивает «летописная стилистика» (перед нами не просто предание, а своего рода «погодная запись за 1642 г.» — дата, возможно, каким-то образом связана с историей таможни в с. Турья). Кроме того, в эти самые годы именно на этом участке Выми велись активные археологические работы, и, если не сам сюжет из ВВЛ, то образ князя Василия Вымского мог быть занесен в устную традицию археологами.

Чтобы быть беспристрастным, сделаем еще один шаг назад, переместимся к началу двадцатого века, и еще раз утвердительно скажем, что *ни в середине прошлого века, ни в его начале устная традиция не знала о вымском князе Василии*.

Этот факт подтверждается и разысканиями известного исследователя (этнографа, археолога, фольклориста и лингвиста) Алексея Семеновича Сидорова, которому принадлежит честь открытия Пожегского городища в 1920-е гг. В своих археологических разысканиях А. С. Сидоров всегда опирался и на полученные от местных жителей сведения. Исследователь несколько лет до этого (1913—1915 гг.) работал сельским учителем в д. Кони и не мог не знать местного фольклора. Итоги его археологических разведок на Выми были опубликованы в статье «Памятники древности в пределах Коми края» [Сидоров 1924]. Вот что он пишет о Пожегском городище (называя его Турьинским из-за близости к этому селу) в 1924 г.: «С одним из ручьев, впадающих в р. Вымь в трех

⁴ На коми языке опубликован: [Коми легенды и предания 1984, 51—52, № 36].

километрах выше данного городища, *Vases vийѳм шор'ом*, связано предание о богатыре Василии: Василий хотел здесь устроить город (в современном смысле), и он исполнил бы, конечно, свое намерение, если бы его не убили Веслянцы (он был захвачен ими хитростью)» [Там же, 59, прим. 20].

Очевидно, А. С. Сидоров пересказывает сюжет, близкий к варианту, записанному в 1946 г.; во всяком случае, никаких других версий, как-то связывающих это предание с вымскими князьями, он не приводит, хотя там же упоминает о существовании преданий о князьях, живших когда-то в Турье. Более того, отталкиваясь от известной ему погодной записи Архангелогородской летописи за 1465 г. о походе Василия Скрябы в Югорскую землю, в котором участвовал князь *Василей Вымский Ермолаевич*, ученый первым выдвигает версию о возможной связи названия *Vases vийѳм шор* и, соответственно, предания о богатыре, с именем князя Василия Вымского [Там же, 59]. В последующей, неопубликованной работе 1937 г. «Археологические памятники Вымского района Коми АССР» [Сидоров 1937] автор ссылается на те же источники и повторяет это же предание, добавляя к нему мысль о русском происхождении вымских князей: убийство чужеродного, богатого русского князя более соответствует сюжету. Также основываясь на полученных им археологических данных, А. С. Сидоров связывает само Пожегское городище со временем деятельности вымских князей. Он предполагает, что остатки хорошо оборудованного жилища (наличие остатков болгарского замка) в центре городища могут быть связаны с княжеской резиденцией — т. е. в точности предсказывает появление записи ВВЛ за 1480 г.: «Почал князь Василей Вымской город на Выме на Турею строити...». (Отметим еще раз, что в 1927 г. П. Г. Доронин уже сделал копию ВВЛ и наверняка был знаком и с самим А. С. Сидоровым, и с его работами, но по каким-то причинам еще тридцать лет молчал об этой рукописи.)

Перед нами возникает следующая хронологическая последовательность: в 1480 г. происходит убийство князя Василия, которое зафиксировала ВВЛ; устная традиция по каким-то причинам создает и транслирует предание о местном богатыре *Ен Вас'е*, но к 1981 г. возвращается к исходному образу князя Василия. Такой «двойной бриколаж» устной традиции уникален, но вполне возможен, учитывая активное внедрение в повествовательную традицию исторических сведений. Однако он не дает ответа на самый первый вопрос: где этот «город на Выме на Турею»? Ведь совершенно очевидно, что ВВЛ не должна говорить о Пожегском городище, к которому четко привязаны народные предания. А если это не тот город, то и место убийства *Васьѳс вийѳм*, явно привязанное к Пожегскому городищу, также не имеет отношения к убийству князя Василия. Чтобы как-то увязать фольклорную и летописную версии события, нам необходимо внести коррективы в возникающую на основе этих фактов последовательность (*Реальность 1*).

Итак, что мы имеем. В *Реальности 1* (место события нам неизвестно) происходит убийство князя Василия, которое спустя сто лет фиксируется ВВЛ. Устная традиция сохраняет память об этом убийстве, но в соответствии с повествовательными канонами заменяет образ князя на более привычный образ местного героя-богатыря Василия; далее это предание приобретает топонимическую привязку (место строительства города в *Кар яге* и место убийства у ручья *Васьѳс вийѳм шор*), создав новую *Реальность 2*, имитирующую *Реальность 1*. Спустя пятьсот лет, в 1980-х гг., в устную традицию из ВВЛ возвращается исходный образ князя Василия, а в историческом дискурсе место *Реальности 1* прочно занимает его имитация.

Как только мы принимаем такую последовательность развития устной традиции, мы вынуждены задаться вопросом: если реальное место убийства неизвестно, то какой хронотоп воссоздадут топонимические предания? Ответ напрашивается сам собой: уст-

ная традиция буквально воспроизводит запись ВВЛ: «город на Турею» четко соотносится с реально существовавшим местом городища в *Кар яг*; далее спонтанно появляется и место убийства. Возникает временная петля, не поддающаяся рациональному объяснению: устные предания не могли образоваться без записи ВВЛ, а запись летописи подтверждается только устной традицией.

Этот парадокс можно снять, только если выдвинуть в качестве «истинной» *Реальности 3* обратную последовательность: в местечке *Васьёс вийём шор* происходит убийство местного жителя *Ён Вас'я*, в устной традиции возникает топонимическое предание об этом событии; случайно оказавшееся рядом место городища втягивается в сюжетную канву, etc. Какой-то вариант устного предания попадает в двуязычную прицерковную среду, образ *Ён Вас'я* идентифицируется с образом Василия Вымского; далее уже сюжет об убийстве князя Василия обретает новую датировку и попадает в ВВЛ. Спустя четыреста лет «квази-история» летописи воспринимается устной традицией и возникает та самая *Реальность 1* с ретроспекцией на событие 1480 г. Именно *Реальность 3* воссоздается на основе народных преданий, она транслируется современной фольклорной традицией, но в ней уже нет даже отголосков о богатыре *Ён Вас'е*.

В такой версии развития сюжета об убийстве остается одна «случайность» — это совпадение имен двух героев. Несомненно, имя Василий на Руси занимало второе место по популярности после имени Иван (даже в нашем тексте четыре *Василия*) вплоть до XIX в.; в истории православия известно более тридцати святых покровителей имени Василий, что отражено и в святцах. С большой натяжкой этот тезис можно спроецировать на вымских коми, за столетия до описываемых событий принявших православие, и объявить совпадение имен *Ён Вас'я* и князя Василия случайным, но вполне возможным. Однако, уже зная по опыту опасность подобных допущений, стоит еще раз

вернуться к истокам и внимательно проанализировать топонимическую основу сюжета.

Топоним *Васьёс вийём шор* 'ручей убийства Василия'.

PRO. Связь топонима с местом смерти человека — явление весьма распространенное, мотив гибели конкретных людей характерен и для «ситуативных», т. е. отражающих связанное с географическим объектом событие, топонимов, и для широкого спектра топонимических текстов. Коми топонимия здесь не является исключением. Близкие к анализируемому *Васьёс вийём шор* по структуре и семантике названия зафиксированы, например, в микротопонимии Прилузья: ойконим *Малань вийём дзиб* букв. 'гора, на которой убили Малания/Маланью'; гидроним *Вийсьём шор* букв. 'ручей, где произошло убийство' [Мусанов 2006, 72]. Для сложносоставных коми топонимов глагольные (причастные) конструкции такого типа — явление исконное и распространенное [Мусанов, Понарядов 2000]. Кроме того, название четко привязано к городищу и явно имеет нарративное происхождение, т. е. представляет собой «свернутый» в топоним микросюжет, неотделимый от стоящего за ним события.

CONTRA. *Васьёс вийём* фигурирует в вариантах *Вийём котшас* 'Излучина убийства', *Васьёс вийём*, *Васьёс вием шор*, *Васьёс вийём шор*, и окказиональном *Васим вием шор*. То есть при четкой привязанности убийства к ручью сам аппелятив *шор* здесь явно вторичен. Учитывая то, что общим элементом для всех вариантов является слово *вийём/вийём/вием*, логично предположить, что первичным здесь мог быть гидроним *виям* 'проток по низине, образуемый в половодье, полый' (в летнее время обычно остается небольшой ручеек; *виям* < *виявны* 'течь тонкой струйкой, капать'), в результате деэтимологизации ставший частью собственно названия. Это соотносится и с топографией местности, и «вписывается» в общий гидроконтекст: чуть выше *Васес вийём* в Вымь впадает ручей *Бдждьд ёль* букв. 'Большая лесная речка'; ниже — безымянный ручей *Шор* и ручей *Кар-*

шор. Аппелятив *виям* встречается по всей Вычегде, включая бассейны Сысолы и Выми, весьма распространен в микропонимике Усть-Вымского района в силу сложности гидрорельефа Вычегды на этом участке. Аппелятив *виям* обычно входит в структуру сложносоставных топонимов в качестве коннотатора, поэтому есть смысл продолжить реконструкцию гидронима ‘*проток Васес/Васьбс*’.

На сегодняшний день микропонимика республики исследована очень слабо, поэтому наши выводы могут показаться недостаточно аргументированными. Тем не менее, нам удалось обнаружить несколько параллелей.

Прежде всего, отметим гидроним *Васем*, связанный с глубоким местом на Вычегде ниже устья Выми между д. Тыдор и с. Айкино. По местному преданию *Васем* соединялся с болотом *Кутишпозъя* и составлял старое русло Вычегды: «*Важен вёлы сійос шуёны насколькo ва берегыс вежсема, ва, перекат. Перекатыс вёлы мян вот татысянь кык километра, вот вёлы, ёні кёны Кутишпозъяыс, сја вёлы старой ваыс, Эжва. И сја Старой Эжвасё шуёны: бёр воас кор сэтчё перекат, сэк лоё вёлысь кутишмкё важся олём, и важся притчачыс мян не тёдны, мый вёлёма назначениеыс? И вот Кутишпозъяыс вёлёма важся берегыс. И вот ты улад, шуёны тай Васем — но, сја Васемыс тоже Важ Эжва, зэв джуджыд, безмерной. Высота оз тёдны, край, некоторой берегыс даскёкъямыс метров, мерайтлывлёмась, сійё тёдды. А сэсыя оз тёдны глубина. Джуджыд и сбёд ва. А Кутишпозъяыд вёлёма важ Эжва*» (Раньше называли, вот насколько уже берег реки изменился, был перекат. Перекат был от нас в двух километрах, был он там, где теперь <болото> Кутшпозъя, это была старая река, Вычегда. И про эту старую Вычегду говорят: когда обратно на этом месте появится перекат, только тогда жизнь прежняя вернется, но старые притчи нам не знать, что она означала? И вот тогда *Кутишпозъя* была старым берегом реки. И вот ниже озера, называют место *Васем* — вот этот *Васем* тоже старая Вычегда, очень глубокая (старица), безмерная. Глубину не

знают, в некоторых местах у берега восемнадцать метров, измеряли когда-то, знают. А дальше не знают о глубине. Глубокая и темная вода. А *Кутишпозъя* <болото> было старой Вычегдой) (Зап. от А. Е. Коняевой, д. Тыдор, Усть-Вымский р-н, Республика Коми. Соб. Н. Д. Бараксанова. 1978 г.) [ИЯЛИ. К382]. Идентифицировать это место на карте нам пока не удалось; вероятно, речь идет о небольшом заливе на правом берегу реки, соединяющим озеро с рекой.

Далее, на верхней Вычегде мы обнаружили близкие к искомому *васес* топонимы *Васевойт* (урочище близ с. Аныб) и *Васёвгёплек* (урочище, с. Деревянк) [Верхневычегодский диалект 1961, 236]. Как нам удалось выяснить, ороним *Васевойт* связан с местом на берегу реки ниже с. Аныб, а также с обозначением рыбной тони — небольшого залива на реке Вычегде; по убеждению местных жителей, никак не связан с именем *Василий*, хотя они и затрудняются объяснить происхождение этого названия. Вероятно, этот ороним состоит из двух гидронимических апелятивов *васе(в)* (вариант приведенного выше гидронима *васем*) и *войт* ‘сырое, глухое место в пойме реки, поросшее кустами черемухи и смородины’, но в данном конкретном случае формант связан не с поймой реки, а с низиной у крутого берега, поросшей кустарником. Этот залив соединен с цепью руслообразных озер, вероятно, некогда представлявших старицу реки Вычегды. Таким образом, формант *васе/васев* можно связать со значением ‘залив, связанный с озерами старичного происхождения’. Соответственно, другой верхневычегодский гидроним *Васёвгёплек* так же состоит из двух гидроформантов: *Васёв* и *гёплек* <*гоблек* ‘омут, глубокая яма на дне реки или озера’ [ССКЗД, 81]. К сожалению, также пока не удалось восстановить его точное местонахождение.

Таким образом, слово *Васес* в названии *Васес вийём шор* явно восходит к аппелятиву с формантом *ва* ‘вода; река’. Лексемы *васем*, *васе(в)*, *васёв* и *васес* сложно подвести к одной форме, поэтому можно предположить несколь-

ко этимологий, из которых отметим наиболее возможную: *ва* + *сён* ‘ложбина, лощина’ (< общепермское ‘залив в долине реки’, ‘протока’); *сёнмас* ‘ложбина в долине реки, заливаемая в половодье водой’; в этом же ключе допустима параллель с удмуртским *сюм* ‘маленькое продолговатое озеро около реки’ [КЭСКЯ, 252], ‘залив’, ‘затон’ [УРС, 406]. И водоем *Васем*, и оронимы *Васевойт* и *Васёвгöплек* связаны с небольшими, но глубокими местами, близкими к понятию ‘залив’; здесь же вариант *Васес вием көтшас* < излучина на реке, залив, куда впадает *Васес вием шор*. Как бы то ни было, гидроформантное происхождение слова *васес* не подлежит сомнению, а антропонимическое осмысление этого реликта — результат вторичного народно-этимологического осмысления.

Итак, перед нами возникает еще одна *Реальность 4*, которая будет выглядеть следующим образом:

1. Гидроним *Васес виям* ‘проток из/в водоем-*васес*’ (возможно, исходная форма была другой — *Васем виям* / *Васев виям*) под воздействием вошедшего в местный ономастикон имени *Вась* ‘Василий’ деэтимологизируется в гидроним *Васес виёйм шор* ‘ручей, где убили Васю/Василия’.

2. Под воздействием оказавшихся поблизости антропогенных микролокусов (площадка бывшего городища-*Кара*, бор *Кар яг*, ручей *Кар шор*) возникает сюжет об убийстве строителя города Василия, связывающий два локуса — место городища и место убийства.

3. Далее, уже по устойчивому сценарию, один из вариантов этого топонимического сюжета попадает в прицерковную среду и идентифицируется с именем князя Василия Вымского.

4. Сюжет об убийстве князя Василия фиксируется в ВВЛ.

5. Сюжет об убийстве князя Василия из ВВЛ во второй половине XX в. «возвращается» в устную традицию и сливается с преданиями о богатыре *Ён Вась*, замещая главного персонажа князем Василием.

6. Предания об убийстве князя Василия внедряются в научный дискурс.

Встречающиеся во многих исторических исследованиях тезисы о том, что убийство князя было вызвано «боязнью последующего усиления феодального гнета» или «боязнью за свои угодья», — это почти дословные цитаты из народных преданий, приведенных выше.

Вывод: в исторической действительности никакого строительства «города на Турею» не было, и вымичане не убивали князя Василия Вымского, как не убивали и богатыря *Ён Вас'я*. Сюжет об этом историческом событии имеет чисто фольклорные корни и возник в результате народно-поэтического осмысления случайно оказавшихся рядом топонимов. А о поэтических особенностях этого уникального сюжета, о механизмах его самопорождения расскажем в следующий раз.

Литература

Верхневичегодский диалект 1961 — *Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С.* Верхневичегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966. Вып. 10.

Вершинин 1997 — *Вершинин Е. В.* Статус князей Вымских и Великопермских как правителей (административный аспект присоединения Северного Приуралья к Русскому государству) // Культурное наследие Азиатской России: Мат. I Сибирско-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 122—124.

Вершинин 2000 — *Вершинин Е. В.* И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 285—305.

Документы по истории края 1958 — Документы по истории края / Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.

Коми легенды и предания 1984 — Коми легенды и предания / вступ. ст., сост., примеч. и перевод Ю. Г. Рочева. Сыктывкар, 1984.

Корчагин 2011 — *Корчагин П. А.* Из ранней истории Перми Великой: князя Пермские и Вымские // Филолог / Интернет-журнал Пермского государственного педагогического университета. Пермь, 2011. Вып. 13, 14. URL: <http://philolog.pspu.ru/module/magazine> (дата обращения: 7.06.2012).

Мусанов 2006 — *Мусанов А. Г.* Географические названия Лузско-летского бассейна Республики коми. Сыктывкар, 2006.

Мусанов, Понарядов 2000 — Мусанов А. Г., Понарядов В. В. Причастия в коми топонимах (на материале топонимии верхнего Прилузья) // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Мат. междунар. науч. конф. (17—19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000, С. 482—484.

Мухин 1999 — Мухин В. В. Еще раз о пермских князьях // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 104—106.

Савельева, Кленов 1992 — Савельева Э. А., Кленов М. В. Пожегское городище (Серия препринтов «Научные доклады». Коми научный центр УрО РАН). 1992. Вып. 278.

Сидоров 1924 — Сидоров А. С. Памятники древности в пределах Коми края // Коми му. Усть-Сысольск, 1924. № 7—10. С. 58—60.

Сидоров 1937 — Сидоров А. С. Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.). 1937 (машинопись) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 53.

Флоря 1967 — Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218—231.

Сокращения

ВВЛ — Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257—271.

Архив ИИМК РАН — архив Института истории материальной культуры РАН.

ИЯЛИ — Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра.

КЭСЛЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.

УРС — Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / под ред. В. М. Вахрушева. М., 1983.

Summary. *The article is dedicated to a particular aspect of "history as the text — text as history" subject. Analyzing the plot about murder of prince Vasily Vymsky (1480), the author shows how a quasihistorical reality occurs as a result of difficult nonlinear interaction of oral and written narrations.*

Key words: *Komi-Zyrians, traditional culture, folklore, historical narrative, toponymy, folk etymology.*

УДК 398 (470.51)
ББК 82.3 (2 Рос. Удм.)

Е. В. ПОПОВА
(Ижевск)

ПРЕДАНИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В СЕЛЕНИЯХ НА СИБИРСКОМ ТРАКТЕ

Аннотация. *Предания о «путешествии императрицы Екатерины II» записаны в селениях на Сибирском (Московском) тракте, на участках в пределах современной Удмуртии. Екатерина II является героем топонимических преданий, с ее «путешествием» связана народная этимология селений, ландшафтных объектов.*

Ключевые слова: *предания, Сибирский (Московский) тракт, Екатерина II, культурный ландшафт.*

Предания о «путешествии Екатерины II» составляют часть историко-культурного, фольклорного наследия Сибирского тракта — важного транспортного, торгового, социально-экономического объекта. В основе статьи материалы, собранные в селениях Удмуртии, расположенных на исторических участках Сибирского (Московского) тракта. В них императрица Екатерина II предстает в образе правительницы, чья поездка связана с инспектированием, строительством, благоустройством дороги. Она «лично досматривает» тракт, проезжает деревни, дает приказы о строительстве пути и переправ, занимается посадкой берез на обочине. Преобладающая часть материалов — это историческая проза, топонимические предания, народная этимология названий деревень.

Предания о названиях селений или отдельных мест, где встречается сюжет о «путешествии императрицы», записаны и в других частях России [Виноградов, Громов 2007, 4—5; Белова, Петрухин